Лит. газ 1981, 2 дек, №49

ГОГОЛЕВСКИМИ ШЛЯХАМИ

О заповедных местах, связанных с детством и юностью, с творчеством великого русского писателя Н. В. Гоголя, об их сохранности для потомков размышляет Герой Социалистического Труда Олесь Гончар, совершивший в конце сентября поездку по гоголевской Полтавщине

Олесь ГОНЧАР

НЕ ОДИН год поклонники Гоголя вынашивали мысль о восстановлении отцовской усадьбы писателя, о создании на Украине своеобразной гоголевской Ясной Поляны. Специалисты, энтузиасты, творческие люди в Москве, Киеве, Полтаве, объединяя свои усилия, прилагают ум и руки к реализации этого благородного намерения. Желание увековечить память великого русского классика в его родной Яновщине приобретает характер народной инициативы, и хотя до завершения едва начатых работ еще далеко, все же земляки Николая Васильевича настроены оптимистически.

В Полтаве уже сегодня вам покажут макет усадьбы Гоголей, которая, собственно, должна изменить весь вид Яновщины (ныне это село Гоголево Шишацкого района). На макете все предстает таким, как было и каким снова должно стать. Все продумано, выверено в деталях и пропорциях, согласовано со старыми записями, документами, свидетельствами старожилов... Остается, следовательно, материализовать все это в натуре и к тому же не мешкать, чтобы дату 175-летия со дня рождения Гоголя земляки его могли встретить открытием усадьбы в Яновщине, достойным проявлением уважения к тому, кто стал символом дружбы наших народов.

В ПОЛТАВЕ стоят ясные, погожие дни. Город плывет в теплыни прозрачного, чистого воздуха, ветви садов сгибаются в сентябрьской своей щедрости; живописные холмы и утопающие в вишняках крутогоры задумчиво загляделись в степную заворсклянскую даль, в переполненные солнцем просторы.

Где-то там несли буйногривые Тараса Бульбу с сыновьями на Сечь, устремясь на юг среди моря фантастически расцветающих трав. Где-то там под наслоениями позднейших веков затаились скифские захоронения и городища, одно из которых как раз в наши дни раскапывают археологи, полагая, что именно здесь, на полтавских землях, наконец будет найден легендарный Геродотов Гелон, столица скифов-хлеборобов, чей колос, возможно, дошел и до нас.

Может ли кто-нибудь из наших современников полтавцев представить свою славную Полтаву без Котляревского, без Гоголя, без Панаса Мирного и Короленко? Такое впечатление, что были они в Полтаве всегда и остались с ней навсегда. Неотторжимы они от нее, как этот ласковый, несравненный воздух, которым никак не напьешься, как вербы над Ворсклой, где их пышные ветви серебрятся будто бы еще со времен Маруси Чурай, как бездонная высь этого неба полтавского в его осенней, безмятежно светящейся голубизне...

Гоголь — еще до лицея, до семи своих нежинских лет — два года учился в Полтавском уездном училище. Мальчик из Яновщины видел этот город антично белым, каким он был в центре, видел и непролазную осеннюю грязищу его окраин, где губернские дамы, случалось, вынуждены были осенью из-за луж добираться на балы транспортом самым тогда надежным — круторогими волами.

Полтава, особенно чиновничье-панская, могла быть смешной, но она никогда не была безликой, ревниво берегла она свою славу, народные обычаи, колорит. Прекрасная, в духе классицизма архитектура центра сочеталась с хуторками окраин, с патриархальным уютом тех аккуратненьких, соломой покрытых хаток и зеленых левад, где под крылом старой Терпилихи расцветала целомудренным своим чувством юная Наталка Полтавка.

Хочется думать, что мальчику из Яновщины понравился этот город, который любил шутку и веселье, перекликался в часы вечерние поющими голосами и соловьиным щелканьем по всему Подолу, город, умевший посмеяться над своим вооруженным гусиными перьями чиновничеством и охотно читавший искрометную, перелицованную на казацкий лад «Энеиду», которая ходила по рукам, а создана была тем самым Иваном Котляревским, чья муза смолоду лично была знакома с веселой музой Василия Гоголя-Яновского, то есть Гоголя-старшего, что пишет на досуге в Яновщине любительские комедии, однако миру станет известен благодаря своему гениальному сыну.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ детства человек берет с собой на всю жизнь, памятны они каждому. Для художника же поэзия детства имеет значение, порой даже определяющее. Ведь годы и годы спустя, в отдаленнейших ассоциациях зачастую отзовется то, что на рассвете жизни поразило и взволновало юную, остро восприимчивую душу. Лев Толстой где-то заметил, что все позднейшие самые значительные его мысли в зародыше открывались ему уже в детстве, — почему же быть исключением в этом смысле Николаю Васильевичу Гоголю?

Полтава всегда являлась перекрестком великих исторических дорог народа. Образ полтавских шляхов на Украине давно уже стал образом песенным. «Видно шляхи полтавські», видно их, видно: жизнь веков, сама народная история бурунила на этих шляхах, где чумацкие мажи тяжело скрипели каждое лето, где странствующие философы да лобастые бурсаки, многие годы корпевшие над латынью, проходили ватагами, где по первому зову тревоги казачьи полки, эти сильные духом защитники народные, с песнями выступали с полуночи в поход... Один из этих шляхов, правда, уже залитый асфальтом, выведет вас на Диканьку, пролегая меж полей и перелесков, которые в седые времена представляли собой густые дикие леса (вот откуда Диканька!).

Как остатки тех могучих лесов-пралесов вам еще и ныне встретятся тут огромные столетние дубы, в частности и те, воспетые Пушкиным в его знаменитой поэме. Обломанные бурями, с поредевшими кронами, ветераны эти, однако, еще стоят, зеленеют, бросая желуди в окружающую землю, и много они, вековые дозорцы этого края, могут и сегодня поведать человеку неравнодушному, как много поведали они некогда автору «Полтавы» да автору «Вечеров на хуторе близ Диканьки», который тоже охотно посещал эти, словно бы овеянные эпосом места.

Неподалеку от знаменитых дубов белеет на опушке леса плавными своими формами церковь, которая в наши дни находится под охраной государства, потому что это действительно выдающийся памятник архитектуры, сооружение, в котором соединился талант русских, украинских и итальянских мастеров. Николаевскую церковь, так она называется, построили еще в 1794 году, и поскольку ее возникновение было связано с легендами о разных чудотворностях, о том, что идет тут от земли некая сила, способная исцелять калек, изгонять хворь, то люди со всех сторон тянулись сюда в поисках облегчения для тела и для души. Стояла тут, перед этим вырезанным из темного мореного дуба иконостасом, и молодая бледнолицая женщина из Яновщины — мать Гоголя. Напуганная смертью двух ранее рожденных детей, молодая мать вымаливала здесь судьбу своему будущему сыну, так что отсюда, можно считать, и начинаются уже те самые гоголевские края, что дали ему образы и силы на великое творчество.

Более чем где-либо в этом краю Гоголь чувствуется как реальный, земной человек. Один из самых веселых и самых трагических писателей в мировой литературе XIX столетия, он ведь начинался именно отсюда, от этого воздуха, от этих широких шляхов, полей и долин, в рельефах и плавных переливах которых и впрямь есть нечто от музыки. Тут он жил среди живых, хорошо известных ему людей — родных и знакомых, среди казаков и крепостных, да еще и среди мифических существ — всевозможных русалок, ведьм, домовых, разных местного значения демонов с рожками и копытцами, созданий чаще комических, нежели страшных — они тоже существовали как бы в реальности, в единой с людьми стихии, неотъемлемы от поэтических народных преданий...

ДОРОГА вьется дальше, пролетают новые современные села с водоемами и фермами, по-хозяйски ухоженными полями. Это уже те поля, что — без плуга. Наши сопровождающие то и дело заводят речь о новой технологии обработки почвы, которая будто увеличила силу мощных полтавских черноземов. Необходимы были немалая настойчивость, агрономический опыт, чтобы, преодолевая инерцию мысли, пойти на смелое нововведение. Полтавцы знают, сколько энергии проявил в этом деле Федор Трофимович Моргун, первый секретарь Полтавского обкома партии, автор нескольких книг, известных всем хлеборобам страны. Написать их мог только творчески мыслящий агроном, поэт земли, тот, кто понимает ее язык и знает, чем помочь ей, чтобы она вознаградила людей полнозерным колосом даже и в неблагоприятные годы.

Однако где же здесь все-таки хутор Рудого Панька? В какой из этих живописных долин стояла его, такая важная для нашей литературы пасека?..

Сегодняшние хозяева рассказывают, что пасек раньше было здесь много, испокон веков пчеловодство являлось занятием, в здешних краях распространенным, а вот относительно резиденции Рудого Панька, то... Разговор среди наших тамошних друзей принимает серьезный, можно сказать, вполне научно-исследовательский характер:

— Это могла быть Яворивщина...

— А почему не эта вот Трудолюбовка, ведь она тоже выросла из бывшего хутора...

Так или иначе, а Рудый Панько будоражит и ныне воображение своих, рожденных в эру космическую потомков. Гоголевские художественные истории то и дело переплетаются здесь с реальностью, граничат с ней, причудливо перекликаются с эпосом и поныне еще не забытых народных преданий. Вот вы тут же, в дороге слышите байку о двух хуторских зажиточных братьях, которые, получив отцовское наследство, никак не могли его поделить, годами тягались по судам, став, естественно, посмешищем для всей округи. Не отголосок ли это какой-то истинной истории, которую и Гоголь мог услышать, а то и воспользоваться ею при создании известного сюжета о своих непримиримых Иванах?..

А вот наконец она, славная Яновщина. Немногое осталось неизменным с тех лет, когда молодой Гоголь ходил тут по дорожкам своего сада, стоял в ясную лунную ночь над этим полноводным прудом.

От старых построек усадьбы не сохранилось ничего, зато появилось среди пустыря даже нечто шлакоблоковое... Да еще возникла дорога, которой прежде здесь не было, она рассекает усадьбу пополам, хотя куда уместнее было бы проходить ей в каком-нибудь другом месте, в обход...

Впрочем, пруд, большой, чистый, к счастью, сохранился. Как главный ориентир, надежная зацепка для восстановителей. Существует пруд в первородном виде, неутомимые подземные роднички питают его.

На небольшом плотике Гоголь переплывал эти свои воды, причаливал к противоположному берегу, где белели по склону крестьянские хатки, где у одинокой женщины девчата и парни собирались на вечерницы, — с тех вечеров, полных песен, жизни, бурления юных страстей, не один образ наверняка отзовется у Гоголя на страницах волшебных его повестей.

Кроме пруда, сохранился еще и колодец в центре усадьбы, да еще фундамент флигеля, того самого, в котором писатель любил работать, где он порой надолго уединялся.

Сколько их, беспощадной силы ветров, пронеслось над Яновщиной! Разрушало время, разрушали, доламывали и люди. Нет дома, где жили Гоголи, и сада нет, и маленькой церквушки с колокольней, построенной отцом и много лет стоявшей в гоголевской усадьбе, исчезли даже садовые тропинки-аллеи, по которым ходил молодой Гоголь или, может быть, даже сам их прокладывал. «...Брат взялся делать аллеи, — вспоминала позже сестра писателя Ольга Васильевна Гоголь-Головня. — Сам там был целыми днями... За время, пока он пробыл у нас, прочистил все аллеи...»

Исчезло, вроде бы и следа не осталось. Однако сейчас, начав восстановительные работы, добрались молодые руки и до тех аллеек, которые уже оказались под слоем земли и дерна. Из раскопанных канавок вытаскивают обломки красного кирпича: один покрошился, а другой еще почти цел, возможно, это тот самый, который укладывали именно его руки, Нам показывают раскопки этих только что обнаруженных аллей, каждый обломок кирпича потомки берут теперь почти благоговейно, заметно волнуясь: с его тропинок...

ИТАК, есть след, где пролегали дорожки, поблескивают живые воды пруда, лист яворовый ложится на воду под тихим осенним солнцем.

Еще прежде на том месте, где Гоголь встречался с сельской молодежью на вечерницах, местные школьники посадили фруктовые деревья и построили небольшую беседку. Мудрый старожил надоумил на это детвору: чтобы не забылось место, чтоб запомнилось.

Такие вещи и питают надежду. Верится: все станет на свое место, приобретет прежний вид гоголевская усадьба, вновь возродясь по законам жизни, возникнув из самой любви народной...

А еще есть здесь святое место, где лежат родители Гоголя — Василий Афанасьевич и Мария Ивановна, происходившая из старинного казацкого рода Лизогубов, первая советчица своего сына, которая, надолго пережив его, до конца дней своих так и ходила в трауре... Простор кругом, трава серебрится. Могилу Гоголей не сразу и заметишь среди трав, однако же много она скажет вашему сердцу.

Как бы вы хорошо ни знали Гоголя, он станет вам еще ближе при посещении его родных заповедных мест. Ощутимее станет. Понятнее.

И усадьба родителей, и неподалеку от нее урочище Яворивщина, которую Гоголь видел с пасекой и омшаником, и его любимая Стенка, лесное угодье за речкой Говтвой, то «зачарованное место», позднее зарисованное Тарасом Шевченко, где лес стоял над обрывом, как стена, где и сейчас у вас перехватит дух от беспредельности просторов заречья, на полмира открывающихся отсюда... Непривычно почувствуете вы себя от какой-то и в самом деле таинственности этого места, от тишины дубравной, что так мрачно и грозно отовсюду нависает деревьями над этой ясной, в душистых травах полянкой с цветом мальвы и синих васильков, которые, несомненно, и при Гоголе были. Все это та реальность, которая питала его поэтический гений, склоняла к раздумьям, несла в себе для художника полноту бытия, магию и чары жизни.

Все эти фрагменты предметного мира тоже должны стать, как нам представляется, составными частями создаваемого заповедника.

В формировании творческой личности, в этом сложном процессе, принимают участие разнообразнейшие факторы. Для Гоголя, очевидно, самым большим поэтическим авторитетом была народная песня, легенды и предания того края, в котором он родился. Никто глубже не заглянул в душу народной украинской песни, чем это сделал Гоголь. Она окружала его с колыбели, была его атмосферой, его болью и восторгом, в ней он открывал незамутненную историю народа, из песни он сам вырастал, по крайней мере, если иметь в виду его ранний творческий период. Наряду с народной песней, которой писатель даст потом блестящий анализ, и поныне еще никем не превзойденный, безусловно, имели значение для него, для его эстетического развития и эти живописные, действительно поэтические виды местности, где проходили его детство и юность, где ощущение свободы и простора было таким, что потом уже никогда не могло забыться, как и тот родной сладчайший воздух, о котором писатель потом воскликнет из столичной дали в письме к матери, признаваясь, как бы ему хотелось «оторваться от удушливых стен столицы и подышать хоть миг воздухом села»...

Все для него было тут дорогим и заветным. И все мы обязаны сохранить, сохранить до каждого лепестка.

НЕ ТОЛЬКО в отцовской Яновщине (Васильевке), но и во всех этих районах — Диканьском, Шишацком, Миргородском, — где нам на этот раз пришлось побывать, всюду чувствовалось в той или иной форме присутствие Гоголя. Там он был. У тех гостил. С теми переписывался... Повсюду Гоголь ощущается в жизни, он не стал экспонатом. И сами эти наполненные новой жизнью края нынче порой так и называют — гоголевскими краями.

В восприятии людей, в памяти народной след писателя оказался куда более прочным, чем в том раскрошенном красноватом кирпиче садовых аллеек, которые сейчас раскапывают в Яновщине.

Еще перед войной в Великих Сорочинцах был создан первый в стране музей Гоголя. Ведь именно здесь он родился, на берегу Пола, в беленькой хате местного лекаря, и крестили младенца в этой, еще при гетмане Даниле Апостоле построенной Спасо-Преображенской церкви, которая и поныне стоит на крутом берегу Пола, привлекая многочисленных экскурсантов. Шесть недель младенец находился в Сорочинцах, и уже после этого Гоголи перевезли своего потомка к себе на хутор Купчинский, то есть в Васильевку-Яновщину, как будет впредь называться их поместье.

Действительно ли Гоголь был рожден в глухой глуши, как это порой изображают некоторые из его биографов? Так ли уж следует принимать на веру ту, явно гиперболизированную миргородскую лужу, которой, пожалуй, именно такой и надлежало предстать под пером великого юмориста? Или, возможно, точнее следует сказать, что родился Гоголь в краю, где жила и действовала многовековая культурная традиция, что вырастал будущий писатель в атмосфере, насыщенной живым звучанием народного эпоса, героических преданий и песен, в среде людей, знающих Горация и Пушкина, и что рядом, в Диканьке, создается знаменитая летопись Величко, и что целых семь лет юный Гоголь учится в первоклассном на то время Нежинском лицее. Дома отец Гоголя пишет комедии и сам ставит их в Кибинцах, в театре мецената Трощинского, а совсем недалеко от Гоголей живет в Обуховке старый мудрый Капнист, блестящий сатирик, философ, чье благоволение и благословение были дарованы маленькому Гоголю. А еще ближе к Миргороду, в селе Хомутец, белеет в парке дворец Муравьевых-Апостолов с богатейшей библиотекой, с капеллой музыкантов, гостеприимный дом, где часто собирается отважная, революционно настроенная молодежь этого края, о которой еще услышит отчизна. Хозяин имения Иван Матвеевич Муравьев-Апостол — человек высокообразованный, взглядов независимых, он и трех сыновей своих воспитал в духе передовых идей эпохи. Это имение становится подлинной крепостью декабристов.

Сейчас в хомутецком имении учится колхозная молодежь, здесь же в большом зале, где собирались декабристы, устроен посвященный им музей. Соколиное гнездо бесстрашных республиканцев! Подобно тому, как казацкий род Апостолов объединился в общей фамилии с русским знатным родом Муравьевых, так Сечь Запорожская, ее республиканская патриотическая традиция крепко и естественно объединилась тут с передовыми идеями декабризма.

Вот такая это была «глушь»... Разве не из такой «глуши» несли в столицы свой гений Бортнянский и Березовский, да в конце концов и сам Гоголь, и почти с ним одновременно Шевченко?.. Мужество сыновей этого края закалялось в походах Отечественной войны 1812 года, и многие из них возвращались после Вены и Парижа домой с готовностью бороться против царской тирании. «Полярную звезду» читают в Нежине, и сам Гоголь-лицеист старательно переписывает в свою тетрадь свободолюбивые стихотворения Пушкина. В Кибинцах, на спектаклях, где перед гостями со всего уезда так охотно выступали супруги Гоголи, их сын мог — вполне вероятно — встречаться с сыновьями старого Муравьева-Апостола, тоже любителями театра, с теми молодыми героями, которые потом даже свое поражение достойно встретят в глубоких снегах между Белой Церковью и Васильковом...

Однако вот над чем невольно задумываешься: почему нигде у Гоголя ни словом, ни намеком не вспоминается о тех «первых благовестителях свободы», о потрясении 1825 года, когда кошмар расправ захватил весь этот край, всю страну, почему даже спустя много лет, даже в частной переписке нигде ни словечка? Еще одна загадка, каких немало, связанная с именем Гоголя...

А в Хомутце, в парке Муравьевых-Апостолов, до сих пор растет от общего корня могучий триединый дуб, посаженный старым отцом в память о своих сыновьях-декабристах. В их честь сам он сложил когда-то латынью элегию — ее, полную отцовской скорби, ныне уже в украинском переводе, каждый может прочитать в парке около того триединого дуба... «Элегия о трех лавровых деревьях» — так называется это слово, донесшее горечь и мужество далекой эпохи.

ПЛЫВУТ вдоль трассы в солнечном мареве земли знаменитого не только на Миргородщине колхоза имени Тараса Шевченко, утопает в садах Зубовка, село, которое было обозначено еще на картах Боплана и где нашел в беспокойные времена братский приют Давид Гурамишвили... И вот уже встают на горизонте корпуса современного города...

Миргород.

Город, который благодаря Гоголю стал известен всему читающему миру.

Последние годы Миргород усиленно строится, формируется как город-курорт, со всех концов Советского Союза тысячи людей приезжают ежегодно на лечение к целебным здешним источникам: целебной оказалась миргородская лужа!..

Район санаториев привлекает довольно удачной архитектурой, несущей в себе творческую мысль и ощутимо гармонирующей с ранее выстроенным в стиле украинского барокко чудесным миргородским вокзалом, перед которым на площади сооружен памятник Гоголю. Всюду полно цветов: современный Миргород славится своими цветоводами.

Украшением города справедливо считается Дворец культуры, отделанный внутри мозаичными панно на гоголевские сюжеты, — это все творческая работа заслуженного деятеля искусств УССР Степана Кириченко и Надежды Клейн, известных художников-монументалистов.

Всюду в этих местах ощущается биение творческой мысли. Миргород — город богатой истории, и в ней всегда важная роль принадлежала деятелям литературы и искусства. Кроме Гоголя, в Миргороде не раз бывал Тарас Шевченко, тут рождались вдохновенные строфы его стихотворений. Миргородцы гордятся, что в их городе родился Панас Мирный, помнят, что учительствовал здесь и вел широкую культурную деятельность Анатолий Свидницкий, автор известного романа «Люборацкие», по инициативе Свидницкого в уезде была создана воскресная школа для крестьян, едва ли не первая на Украине. С городом на Хороле навсегда связал свою судьбу всесторонне одаренный художник АфанасийЛастион. Талантливый иллюстратор шевченковских «Гайдамаков», карикатурист, он в 1905 году активно сотрудничал в прогрессивных сатирических журналах, мужественно выступал против черносотенцев, потом ряд лет работал преподавателем в Миргородской художественно-промысловой школе имени Гоголя, в этом самобытном учебном заведении, которое вскоре будет отмечать свое 100-летие.

Школа эта, превращенная позже в керамический техникум, еще до революции славилась как пристанище народных талантов, творчество ее воспитанников, или «гоголян», как их шутя называли, всегда отличалось демократизмом, активным освоением украинских народных традиций.

Есть в этой школе богатая коллекция художественной керамики, собрание, которое на протяжении десятилетий пополнялось талантливыми изделиями гоголян — учеников и преподавателей. Какой поразительный мир красоты, человеческой выдумки, художественного совершенства!.. Господствуют светлые, солнечные тона. Вазы торжественные, декоративные соседствуют с изделиями миниатюрными, таящими в себе тепло народной шутки. Вот какой-нибудь веселый жбанчик вдруг предупредит вас игривой надписью: «Напейся, но не облейся»... А там во всю стену красуются некие, будто из живых полевых цветов врата, хотя они тоже из керамики — это известный всем искусствоведам иконостас, первый из тех, каких только два существует на свете — один тут, в Миргороде, другой в Буэнос-Айресе... Еще в начале столетия приехали знатоки из Аргентины, увидели это миргородское чудо, попросили принять заказ:

— Сделайте и для нас...

Однажды случился в техникуме пожар. Художественная коллекция оказалась под угрозой. И вот тогда все эти гоголяне — ученики и преподаватели в дыму, в раскаленном воздухе, раскинувшись по лестнице цепочкой, то и дело обливаясь водой, чтобы не загорелась одежда, из рук в руки передавали друг другу с верхнего этажа все эти хрупкие, аж светящиеся, тончайшей работы художественные вазы, тарелки, куманцы, статуэтки, все это неповторимое, оставшееся от мастеров-предшественников...

А когда пожар был погашен, когда взмокшие, возбужденные, в саже и в слезах от дыма гоголяне собрались во дворе около своих спасенных художественных сокровищ, тогда они и сами удивились:

— Через столько рук... Из дыма и пламени... И — ни одно не разбилось.

Наверно, и Николай Васильевич был бы доволен, что такая школа носит его имя.

ВОДИН из приездов Гоголя в Яновщину на той стороне пруда появился по его воле свеженасыпанный курганного типа холм — Гоголь хотел иметь поблизости некую возвышенность для обзора, чтобы ему были бы дальше видны окрестности. После смерти писателя не раз по ночам подкрадывались к этому холму искатели кладов, не раз вонзалась в него лопата тех, кто, доверившись слухам, представлял себе, будто в той еще не разрытой могиле лежат закопанные Гоголем какие-то неисчислимые его сокровища. Наивные люди, ночные эти копатели, они и не подозревали, что самые дорогие свои сокровища Гоголь оставил в жизни совершенно открытыми! Оставил их в виде этого голубого неба и прозрачного воздуха, которые вместе с живописностью родных ландшафтов, вместе с красотой души народной навсегда вошли в его бесценные произведения, чью глубину потомки вновь и вновь открывают ныне для себя.

Авторизованный перевод с украинского К. ГРИГОРЬЕВА

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА СЕГОДНЯ

Фото А. ГУЩИНА